

УДК 930

ББК 63.5

## Этнокультурные процессы в среде терского казачества во второй половине XIX — начале XX в.

**Олег Владимирович Матвеев**

(Кубанский государственный университет:  
Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149)

**Аннотация.** Статья посвящена особенностям этнокультурного развития терского казачества во второй половине XIX — первой четверти XX в. Автор приходит к выводу, что в это время происходит оформление и развитие идентичности терского казачества как русского субэтнуса на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. Создание Терского казачьего войска, консолидационные этнические процессы, диффузия в традиционной культуре, формирование единого этнокультурного пространства в рамках войсковой территории, деятельность казачьей интеллигенции по отстаиванию традиций самоуправления и духовной самобытности способствовали появлению развитого самосознания, выраженного в самоназвании «терцы», «терские казаки». Поскольку терское казачество являлось частью материнского русского этноса и в то же время обладало этнокультурными особенностями, развитой системой ценностей, богатым историческим прошлым, казачье самосознание носило двойственный характер, актуализируя в годы войн, революций, социальных экспериментов государственную общенародную или местную субэтническую составляющие.

**Ключевые слова:** этнокультурные процессы, терское казачество, субэтнос, терцы, самосознание, идентичность, казачья интеллигенция.

**Дата поступления статьи:** 10 ноября 2024 г.

**Дата публикации:** 25 декабря 2025 г.

**Для цитирования:** Матвеев О. В. Этнокультурные процессы в среде терского казачества во второй половине XIX — начале XX в. // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 4. С. 11–23.

**DOI:** <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.4.001>

С принятием в 2005 г. Федерального закона «О государственной службе российского казачества» и в августе 2020 г. Указа Президента РФ «Об утверждении стратегии государственной политики РФ в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» возобладали конструирование служилой составляющей в жиз-

ни казачьих сообществ. Направления этнокультурного развития, даже декларируемые порой в программных документах, постепенно сворачиваются. Занятое проблемами выживания, потомственное старожильческое население мало интересуется общественной жизнью казачьих обществ, войск, реестра. В свою очередь,

последние, ориентированные на внешнюю форму, парады, полицейскую и иную службу в городах, нередко далеки от проблем казачьей глубинки. Поэтому важным представляется напомнить о том, что делало казаков казачеством, определяло их самосознание и специфику в пространстве России. Статья посвящена особенностям этнокультурного развития терского казачества во второй половине XIX — первой четверти XX в.

Этнокультурная специфика казачества выражалась в его устойчивом самосознании, наборе представлений об отличии от других групп, моделях поведения, традиционной системе ценностей, включающей критерии оценки окружающего мира и самооценки в меняющихся условиях. Уже в дореволюционном терском казачестве второй половины XIX — начала XX в. активно ставились вопросы самосознания в трудах М. А. Караулова, Г. А. Ткачева, Е. Д. Максимова и др. Советские исследователи (Л. Б. Заседателева, И. Л. Омельченко и др.) рассматривали его исключительно через призму сословной, социальной обособленности. В современной литературе этот подход продолжает развивать И. Х. Тхамокова [Тхамокова 2017, 420–422].

Наиболее глубоко исследовала особенности самосознания казаков на Тереке Н. Н. Великая, посвятившая этой проблеме 6-ю главу своей монографии о казачестве Восточного Предкавказья [Великая 2001, 418–445]. Исследовательница выделила ряд факторов государственного и этнокультурного характера, способствующих формированию однородности терского казачества, однако пришла к выводу, что «консолидационные процессы не были завершены, субэтническая группа под названием “терское казачество” в дореволюционный период так и не сформировалась» [Великая 2001, 238].

Образование в 1860 г. Терской области и Терского казачьего войска обусловило развитие ассимилятивных и консолидационных процессов в среде бывших гребенских, волгских, сунженских, кизлярских казаков. Царское правительство,

преследуя вполне практические цели освоения войсковой территории, разбавляли старые станицы, перемешивали население в новом войске, стремясь придать чисто сословный характер казачеству. Эти процессы протекали неравномерно во Владикавказском, Пятигорском, Сунженском, Грозненском, Кизлярском отделах и предопределили пеструю этнокультурную ситуацию. Тем не менее в источниках отмечено, что во второй половине XIX в. на войсковой территории Терского казачьего войска формируется единое этнокультурное пространство. Как отмечали авторы статистического описания станиц Шелковской и Новогладковской, окончание военных действий на Кавказе, ликвидация полковых учреждений и введение станичного самоуправления, благодаря которому переселенцы приобрели право голоса на станичных сходах, распределение земель, которое уравнило гребенцов с переселенцами, дав тем и другим одинаковые наделы, «смягчили» антагонизм между старожильческим гребенским населением и государственными крестьянами Харьковской губернии, зачисленными в войско и поселенными в Кизляро-Гребенском округе [СМИСБТКВ 1881, 236]. В станице Новогладковской, отмечалось в статистическом описании 1881 г., «...в настоящее время как гребенцы, так и малороссы в общем станичном правлении постановляют совместно приговоры, водят скот, распахивают сообща полк и ссоры их никогда не доводятся до вмешательства администрации» [Там же, 236]. Совместное проживание и служба, общие хозяйственные заботы постепенно нивелировали этнокультурные различия, способствовали сближению старожил и переселенцев. Малороссы приобрели право голоса на станичных сходах, и, несмотря на то что «гребенцы редко выслушивают их, тем не менее они все-таки составляют силу, как оппозиция. В Новогладковской станице, где переселенцев столько же, сколько и гребенцов, в настоящее время даже станичный атаман избран из последних» [Там же, 371–372].

В статистических описаниях станичного быта указано, что на «сговорчивость и миролюбие гребенцов» оказали сильное влияние культура земледелия и сельскохозяйственные навыки бывших крестьян: «Так как переселенцы, будучи из природных крестьян, и прежде занимались исключительно земледелием, то естественно, что в сельскохозяйственной деятельности они выступили более сведущими и способными работниками, чем гребенцы, уже отвыкшие от хозяйства в течение долгой боевой жизни, поэтому, с замирением края, переселенцы быстро поправили свое материальное положение и зажили если не богаче, то во всяком случае и не беднее гребенцов» [Там же, 372].

В то же время гребенцы передавали переселенцам традиции воинской культуры, выработанные веками боевой жизни на Кавказской линии. Так, в статистическом описании станицы Аки-Юртовской отмечалось в 1881 г., что бывшие «крестьяне вялы, не умеют защищать себя при нападении абреков, позднее всех являются на тревогу и проклинают свою судьбу, когда вспоминают о воинской повинности». Однако далее сообщается, что уже дети этих переселенцев «начинают делаться настоящими “казаками” и умеют сочетать воинственность с земледелием» [Там же, 136]. В станице Шелковской «влияние гребенцов сильно отразилось, а отчасти и теперь отражается на всем общественном и хозяйственном быте казаков-грузин и особенно казаков переселенцев» [Там же, 368].

В целом в Кизляро-Гребенском округе, «попав в казаки, переселенцы по необходимости должны были во многом изменить свои привычки и образ жизни, — отмечали авторы статистического обследования. — Казачья обстановка и служба заметно повлияли как на внешний их вид, так и на их нравы и понятия. Под влиянием этих условий переселенцы сделались расторопнее, чем были прежде». Для переселенца «казачество уже получило известный смысл, наложило на него свою печать и характер» [Там же, 374].

Межэтническая культурная диффузия затронула обрядовую культуру, язык,

песенный и прозаический фольклор. Так, автор одной из корреспонденций в «Терских ведомостях» сообщал в 1887 г., что «станция Прохладная, населенная одними малороссами, за весьма редкими исключениями, отличалась самыми строгими нравами, характеризующими бытовую сторону малороссов на их родине». Однако «изменение общественных нравов», вносимых «в станичное общество по мере расширения его отношений за пределы прежних общепринятых бытовых традиций», создает условия, «при которых свадебные обычаи, как не имеющие под собою почвы, теряют уже прежнее значение. Какие-нибудь 15–20 лет назад обычаи эти исполнялись с мельчайшими подробностями, а теперь они упростились до того, что нынешняя свадьба в ст. Прохладной совсем не похожа на прежнюю» [Перерождение 1887, 4].

Исследования И. Х. Тхамоковой показывают, что «украинский язык, фольклор и обряды оказывали влияние на русские и наоборот». В станицах, населявшихся малороссами, вышли из употребления некоторые термины, относившиеся к свадьбе (например, *весилля*), изменилась последовательность проведения свадебных обрядов, свадебная обрядность упрощалась и сокращалась. Постепенно, отмечает И. Х. Тхамокова, «...все группы восточнославянского населения региона сближались, границы между ними стирались» [Тхамокова 2017, 383].

Важным признаком этнокультурной общности выступает наличие диалектных особенностей. Общетерского диалекта в классическом понимании во второй половине XIX — начале XX в. не сложилось: в среде терцев были представлены говоры бывших гребенцов, волжских и донских казаков, восточнукраинское наречие малороссийских переселенцев. Однако в это время наблюдался процесс взаимопроникновения отдельных слов и постепенное формирование новой лексики. Исследуя говор бывших гребенских казаков в начале XX в., М. А. Караулов обратил внимание на процесс его разложения в связи «с усилением значения

школы» [Караулов 1902, 4]. Говор гребенцов, по мнению исследователя, «начал изменяться под влиянием городской и литературной речи. Именно благодаря этому влиянию звук *г* стал произноситься не по-старому (= *g*), а так, как он произносится на всем Юге России, т. е. ближе к латинскому *h*» [Там же, 5]. Кроме того, М. А. Караулов обратил внимание на то, что «самые различные диалектические особенности встречаются рядом не только в речи одного и того же лица, но даже сплошь и рядом в одной и той же фразе». Это «разнообразие очень естественно, — считал М. А. Караулов, — ввиду смешанного состава населения» [Там же, 9].

В другой работе о говоре станиц бывшего Моздокского полка М. А. Караулов взял за основу речь станицы Галюгаевской, где наиболее сохранилась лексика старого волжского казачества. Исследователь установил, что «элемент переселенцев из Южной России» оказал на нее «слабое влияние» [Караулов 1900, 3]. Но при этом отметил изменения в говоре мужского населения под воздействием интеграционных и ассимилятивных процессов в среде терского казачества: «Во-первых, общественная служба, т. е. отправление некоторых натуральных повинностей при станичном правлении и служба в полку, не могут не отразиться на речи казака, ухо которого привыкает постепенно к канцелярскому языку и казенной речи. Во-вторых, на мужское население сильнее влияет школа, и грамотность между казаками гораздо более распространена, чем между казачками. В-третьих, казак больше бывает за пределами своей станицы, по общественным и частным делам, а потому больше сталкивается с людьми иной речи» [Там же, 4].

По данным С. И. Писарева, к 1881 г. население Терского казачьего войска, насчитывавшее 131 560 чел. обоего пола, состояло на 49,1 % из бывших гребенских, волжских и донских казаков, на 26,6 % — из казаков и крестьян малороссийских губерний, на 8,3 % — из бывших солдат и военных поселян, на 2,3 % — из представителей кавказских народов [Писа-

рев 1881, 43]. Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., численность терского казачества увеличилась до 167 301 чел. и по родному языку состояла на 87 % из русских, на 9,8 % из малороссов, на 2,8 % из представителей кавказских народов (осетины, черкесы, грузины, кумыки), на 1,3 % из носителей других языков [ПВПНРИ 1905, 211]. То есть за 15 лет консолидационные процессы снизили процент носителей малороссийского наречия более чем в 2 раза.

Г. А. Яковлева, исследовавшая терские казачьи говоры шесть десятилетий спустя, пришла к выводу, что «они являются южновеликорусскими» [Яковлева 1985, 8]. В монографии 2000 г. она отмечала: «...особого терского наречия не существует», однако в связи со смешением диалектных основ разного происхождения терские казачьи говоры следует рассматривать «в составе южнорусского наречия» [Яковлева 2000, 10]. Заимствования в терской лексике, по мнению исследовательницы, «незначительны, причем, как правило, из родственного языка, украинского (4 %). Из других языков больше заимствовано тюркизмов (1,6 %)» [Там же, 114]. Впрочем, наблюдения лингвистов показывают, что отсутствие диалектной однородности не является препятствием для формирования этнокультурного единства [Бондарь 2019, 40].

Войсковая территория выступала важным этнокультурным признаком терского казачества. Это проявлялось прежде всего в том, что она была плотно освоена в топонимическом плане. Густая сеть названий отражала этнокультурную специфику и народную историю терского казачества, поскольку часто казачьи топонимы на Тереке имели не только официальное, но и устно-легендарное наименование. Так, станица Александрийская (ныне в Кизлярском районе Дагестана) была названа в 1825 г. в честь императора Александра I. Однако сами станичники всегда называли ее Копай. Г. А. Ткачев в начале XX в. записал местное топонимическое предание, согласно которому здесь, «в подземных жилищах», казаки скрыва-

лись «от зоркого ока правительства» [Ткачев 1912а, 24]. Схожий мотив об укрывательстве в подземных пещерах от властей звучит в предании о происхождении названия станицы Ищёрской. Е. Н. Бутова сообщала в 1893 г.: «Название свое, как говорят, станица получила от пещер, или, как говорят старики, от пещёр, в которых приходилось жить казакам в первое время по поселении» [Бутова, Лысенко 1893, 37]. Подобную версию озвучил нам в Ищёрской и местный житель Виктор Степанович Ермаков, 1951 г. р. Здесь же мы записали другое топонимическое предание от Негодного Сергея Георгиевича, в котором отмечалось: когда Екатерина II дала здесь казакам земли, переселенцы считали землю по своим подводам: «Ещё раз, ещё раз, ещё» [Матвеев 2018, 13].

Название станицы Мекенской официально связывали с тюркским словом «мекенды» — «село с тысячами жителей» либо с чеченским «Макан-Гала». Мы в 2018 г. зафиксировали в Мекенской со слов местного жителя Василия Петровича Васильева (1956 г. р.), что станицу основали «казак Мекен с девятью казаками» [Там же, 12]. Название станицы Калиновской производили от густых зарослей калины в окрестностях. Мы записали в Калиновской от местного старожила Алексея Георгиевича Колпикова, 1924 г. р., что название связано с казачьим предводителем Калиновым [Там же]. Наурскую производят от ногайского «ноур» — болото или озеро. Житель Наурской Александр Петрович Луганский, 1934 г. р., передал нам народную версию через рассказ о знаменитой обороне казачками: «Когда хан Батый нападение сделал, казаки уехали в наряд по ночам, а женщины, старики, бабы молодые остались здесь...» Защитницы станицы перешли в черкески, вооружились ружьями и шашками и атаковали татар с криками «ура», в результате чего татары подумали, что казаки вернулись, бежали и испуганно передавали друг другу: «Да у них там всё ура, ура, ура», а казачки говорили: «Отбили на ура» [Там же].

В целях патриотического воспитания 29 февраля 1908 г. Высочайше утверж-

денным постановлением Военного совета станица Новогладковская Кизлярского отдела была переименована в Гребенскую [Сборник 1909, 202]. Однако у казаков бытовала своя версия происхождения этого наименования. Бывший атаман Шелковского района Иван Федорович Чокмосов (1951 г. р.) рассказывал нам: «Дед мой был казак. Его отец был переселенцем. Екатерина переселяла. Станица Гребенская — от того, что поднялась на гребень. Паводок был, люди поднимались на гребень (возвышенность. — О. М.)» [Матвеев 2018, 14].

Галюгаевскую производят от тюркского «коьл» — озеро [Колесников 2012, 193], однако сами станичники связывают происхождение названия со словами «калюга», что в казачьем говоре означает «лужа» и «гай» [Галюгаевская 2024]. Название села Государственного, преобразованного впоследствии в станицу, дал П. С. Потемкин в связи с первопоселенцами — государственными крестьянами [Колесников 2012, 218], но казаки этой станицы (ныне — ст. Советская Кировского р-на Ставропольского края) передают из поколения в поколение предание, что название было обусловлено тем, что это был передовой пост на новых землях, где казаки охраняли рубежи государства [Государственная 2017].

Такие примеры можно приводить долго, но вполне очевидно, что территория Терского казачьего войска выступала во второй половине XIX — начале XX в. важнейшим признаком, определяющим этническую идентичность.

Е. М. Белецкая и Н. Н. Великая полагали, что в течение жизни двух поколений «слияния разнородных этнических компонентов не произошло, они не успели “переплавиться” в притеречном “котле”» [Великая 2014, 189]. Однако наблюдения исследователей в контактных зонах, где были очевидны специфика русской и украинской традиций (Слободская Украина, Донбасс, Воронежская и Курская губернии, Кубань и др.), показали, что в качестве признака, определяющего этническую идентичность, на первый план



здесь выходили не язык и отличия в традиционной культуре, а осознание принадлежности к новому этнокультурному пространству. Самосознание здесь перестраивалось быстрее, нежели языковая и фольклорная картина мира, тем более что речь идет о близкородственных языках и культурах [Бондарь 2019, 46]. Поэтому за два поколения (на наш взгляд, необходимо вести речь как минимум о трех, поскольку консолидационные процессы шли уже в рамках Кавказского Линейного казачьего войска), терская казачья идентичность стала реальностью. Выдающийся представитель казачьей интеллигенции М. А. Караулов в начале XX в. определял Терское войско как «единое в своей множественности» [Караулов 2008, 4]. По его весьма компетентному мнению, высказанному в 1912 г., бывшие гребенцы, аграханцы, волгцы, кизлярцы, сунженцы — «всё это одна семья» [Там же]. Д. С. Писаренко, член войскового правительства в годы Гражданской войны, в мемуарах отмечал, что создание нового войска в 1860 г. было принято на Тереке «хотя и без удовлетворения, но и без большого огорчения». «Терцы и гребенцы издревле были тесно между собою связаны, — писал Д. С. Писаренко. — Сунженцы, владикавказцы и волгцы были естественным дополнением и удлинением линий по Тереку и притокам его и тоже тяготели к одному с древними войсками центру. Эти районы связаны, помимо того, и экономически, и новая реформа, таким образом, находила себе оправдание в глазах казаков. Они смирились и усвоили ее как новую организацию» [Писаренко 2016, 34].

В результате этнокультурных процессов объединительного характера во второй половине XIX в. сформировалось самосознание новой этносоциальной общности, представленное в самоназвании «терцы», «терские казаки». Последнее отразилось в официальном делопроизводстве, в обращениях казаков к власти, в быту, фольклоре и др. В одной из корреспонденций в «Терских ведомостях» в 1868 г. автор, подписавшийся «Терский казак», описывая праздник Собственного Его Император-

ского Величества конвоя, писал: «Судьба не медлила дать *Терцам* случай отличиться». И далее: «Кубанцы не медлили отправить от себя к гостям — *Терцам*, в виде депутации, несколько человек почетных казаков» [Терский 1868, 163].

Другой автор, подписавшийся «Терец», писал о награждении терского гвардейского эскадрона Георгиевским штандартом: «Нужно ли говорить, насколько дорог *терцам* свершившийся факт? Он вечно будет жить в сердцах *терцев* и передастся их потомкам» [Терец 1868, 187].

Особое значение самоназвание «терцы» имело в боевой обстановке, где с ним связывались воинские качества, доблесть, воспоминания о родных станицах. Так, в телеграмме командира 1-й Терской льготной дивизии наказному атаману Терского казачьего войска от 13 сентября 1914 г. говорилось: «Уведомляю Вас, Батько атаман, войсковую старшину, родственников станиц, что дети Ваши *терцы* достойны дедов и отцов. <...> Было три серьезных дела, которые подтверждают мою уверенность в боевых качествах *терцев*... Мы надеемся дожидаться больших дел, сейчас бережем Карпатские проходы. Привет от нас Вам и родным станицам славного Терека» [ТКВР 2017, 40].

Терская идентичность не раз задействована в песнях бывших сунженских, гребенских, волжских казаков, что говорит о постепенной замене самосознания локальных казачьих групп на новое, общевойсковое. В песне сунженских казаков про бой в Аргунском ущелье говорится: «Братцы, *Терцы*, нам не трудно / Про Аргун песню сложить. / Можно скоро и не худо / Нам победу подтвердить / Славно, ребята! / Славно, *Терцы*! / Bravo! bravo! молодцы!» [Сборник 1876, 27]. Подобный текст был записан П. Х. Семеновым в станице Слепцовской, заселенной донскими казаками и малороссами [Семенов 1893, 117], в советские послевоенные годы его фиксировал Б. Н. Путилов [Путилов 1948, 93].

В сборнике песен бывших гребенских казаков, записанных Ф. С. Панкратовым в тексте о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., отмечается: «С Богом, *Терцы*! не

робея, / Смело в бой пойдем, друзья». Другой текст из этого сборника: «Но забыты кровь и пламя, / Царь нас милостью почтил. / И вот верным *Терцам* зная / Из руки своей вручил» [Гребенцы 1895, 79].

В станице Наурской, основанной волжскими казаками, В. Н. Пятирублев в начале 1890-х гг. зафиксировал текст о сражении под Ловчей, где были такие слова: «Вспомним, *терцы*, мы про Ловчу, / Как рубили турок там. / Пусть же знают басурманы, / Что не страшны они нам. / Ай да *терцы*, ай да терцы! / Любо, бравы молодцы!» [Пятирублев 1893, 224]. В послевоенные годы эту песню записывал Б. Н. Путилов [Путилов 1948, 97], что указывает на то, что самоназвание прочно вошло в народную картину мира.

Осознавая свое отличие от основной части русского народа, терцы в то же время ощущали себя его неотъемлемой составляющей. Поэтому в сравнении с другими этническими и социальными группами казаки обладали двойным самосознанием: русские и терцы. «Русскость» смыкалась с идеей государственности: казаки принимали самое активное участие в территориальном строительстве России, охране ее рубежей. Утратив самостоятельность и перейдя на государственную службу, казачество рассматривало защиту страны как одну из своих основных обязанностей [Бондарь 2019, 130]. Об этом красноречиво свидетельствуют военно-бытовые и исторические песни терских казаков, произведения казачьих историков. М. А. Караулов писал: «Горящие самоотверженной любовью к великому Отечеству нашему, сильные столько же духом, сколько и телом, наши прадеды и деды “с громом битвы и победы шли вперед за шагом шаг”, неудержимо стремясь “двинуть далеко предел зарубежный и твердою грудью заслонить своей”» [Караулов 2008, 4]. Г. А. Ткачев в учебном пособии для станичных и полковых школ отмечал, что современный казак есть «защитник от врагов внешних и внутренних и неустрашимый передовой боец под знаменами царскими на всех обширных окраинах царства русского» [Тка-

чев 1911, 6]. Как замечают многие современники, особенно осознанию единства со своей страной и народом способствовала Первая мировая война, когда казаки оказались в одних окопах с рабочими и крестьянами, одетыми в солдатские шинели. Боевое братство, совместные тяжелые испытания и лишения помогали преодолевать сословный снобизм, который отмечали многие бытоописатели терских станиц. Даже в драматические годы Гражданской войны, когда казаки пытались обрести свой путь в развернувшемся противостоянии и попытались создать элементы государственности, они не осознавали себя вне России. В Конституции Терского войска, принятой 3 июля 1919 г. Войсковым кругом второго созыва, говорилось: «Терское войско мыслит себя неразрывно связанным с единой демократической Россией на правах широкой местной автономии с правом местного законодательства» [Конституция 2017, 405].

«Терскость» проявлялась прежде всего в стремлении сохранить остатки вольностей, традиции казачьего самоуправления, исторически обосновать их, мобилизовать казачье самосознание. Это нашло отражение в деятельности казачьей интеллигенции — братьев Г. А. и Н. А. Вертеповых, Г. А. Ткачева, М. А. Караулова, Ф. С. Панкратова и др. Д. С. Писаренко вспоминал о деятельности Г. А. Вертепова в Терском областном правлении в начале XX в.: «Любящий и знающий казака и его нужды, <...> он за свою службу в советниках сделал больше для Терского войска, чем все его предшественники за целые полвека. В то время как все равные ему по положению чиновники представляли общему собранию Совета правления или наказному атаману лишь робкие доклады, Вертепов смело настаивал на журнальном постановлении тут же немедленно и именно так, как того хотел сам. <...> Постройка ряда войсковых зданий, учреждение учительской семинарии, покупка имения Паробочь и постройка там войсковых питомников, винодельческая школа, владикавказское реальное училище и ряд гимназий в станицах, вой-

сковые больницы, войсковой музей, учреждение “Общества любителей казачьей старины” <...> — все сделано при виднейшем участии этого казачьего патриота и энергичнейшего общественного деятеля» [Писаренко 2016, 49]. Секретарь Терского статистического комитета, способствовавший изданию «Терских календарей» и «Терских сборников», редактор «Терских ведомостей», президент Терского общества любителей казачьей старины, автор многих работ по этнографии, географии, археологии, статистике Терской области Г. А. Вертепов своими неутомимыми трудами способствовал мобилизации исторической памяти и самосознания терцев [Головлев 2013, 128].

Знаковым для казачьей интеллектуальной среды было имя Федора Степановича Панкратова (1872–1938): этнограф-фольклорист, составитель сборника редких песенных текстов гребенских казаков, археолог, систематически исследовавший с официально полученным открытым листом древности Осетии, Ингушетии и Чечни, талантливый писатель, выступавший под псевдонимом Гребенец, чьи рассказы и очерки посвящались терской старине и основывались на собранных им казачьих легендах, преданиях, старинных песнях [Матвеев 2021]. Его разыскания и публикации в «Терских ведомостях» и в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» носили во многом любительский характер, однако им двигала искренняя увлеченность историей и культурой казачества, стремление усилить внимание к исторически сложившемуся на Тереке уникальному этнокультурному пространству.

Во многом содействовал пробуждению этнокультурного самосознания терцев учитель, краевед, общественный деятель Григорий Александрович Ткачев (1867–?) — один из составителей Терской конституции 1917 г., редактор газеты «Терец» [Киреев 2019]. В книге «Станица Червленная: исторический очерк» он поставил масштабную задачу сплошного историко-культурного обследования всех 70 станиц Терского войска: «Когда каждая станица

в отдельности будет подобным образом обследована, только тогда можно приступить к начертанию общей истории войска» [Ткачев 1912б, XVI]. На страницах «Терских ведомостей» он выступал против искажения и фальсификации истории терцев. В 1909 г. он писал по поводу выступлений в Государственной Думе депутатов, намеренно искажавших прошлое и настоящее терского казачества: «Разве сами казаки не в состоянии в своей истории разобраться? Или у них недостаточно сил для этого? Неправда. Казачья история непрерывно разрабатывается» [Ткачев 1909, 2].

Казачья интеллигенция на Тереке была немногочисленной, но очень сплоченной и активной. Когда военный министр для сохранения исторической памяти казачества дал «добро» на создание песенных комиссий и собирательство в казачьих войсках, эту работу в Терском войске возглавил есаул Захар Васильевич Сосиев (1863–1914), автор обстоятельного очерка «Станица Чернаярская», не потерявшего актуальности историко-этнографического исследования осетинских казаков [Гостиева 2015]. Члены Терского общества любителей казачьей старины сразу же постарались оказать посильную помощь З. В. Сосиеву в собирании, привлекли для обработки собранного материала своего земляка, столичную знаменитость — музыканта и дирижера В. И. Сафонова. Терский историк, отставной генерал С. И. Писарев писал в 1910 г.: «Собрание песен по станицам с нотною записью самих напевов в 1902 году предложил взять на себя есаул Зах. Вас. Сосиев и, получив небольшое пособие на поездку, скоро предоставил областному правлению две тетради, заключающие до 80 песен со словами и аранжировкой на 2–3 голоса. Профессор музыки В. И. Сафонов, наш природный казак, по моей просьбе проштудировал на рояли многие из напевов, аранжированных Сосиевым, нашел некоторые неправильности в аранжировке и посоветовал издать этот сборник с нотами только основного мотива, т. е. одного главного голоса, иногда со вторым подголоском, как поются гребенские и вообще старинные



песни, говоря, что знающий музыкант и опытный регент по этой теме всегда аранжирует песню на 2, 3 или 4 голоса; расписывать же их с натуры при распевах в станицах всегда трудно. Облегчить такое дело можно бы фонографом, но это дорогой пока инструмент» [Писарев 1910, 2]. По-видимому, терцы все же приобрели дорогостоящий аппарат, поскольку есть данные о том, что З. В. Сосиев осуществлял последующие записи с применением фонографа [Жадан 2001, 66].

В народной среде средством выражения «терскости», подчеркивания этнокультурной дистанции от основной массы русских нередко выступала нарочитая «кавказскость». На это были направлены использование тюркской, вайнахской и кабардинской лексики в говорах, кавказских элементов в одежде, верховой езде, танцевальной культуре, этногенетические предания, связывающие происхождение казахских родов с ногайцами и чеченцами.

Представляется, что совокупность описанных факторов позволяет говорить о формировании на Тереке к началу XX в. русского субэтноса «терские казаки». Взятые тогда темпы этнокультурного развития, наряду с ослаблением центральной власти, позволили терским казакам в марте 1917 г. добиться автономии и создать элементы государственности в виде Войскового круга и Войскового правительства, Конституции Терского войска [Орешин 2015, 87]. Нарастание социальных и этнических противоречий, необходимость сплочения антибольшевистских сил вынудили элиту терского казачества в начале декабря 1917 г. поступиться частью обретенного суверенитета, признав верховную власть Терско-Дагестанского правительства. Терское казачье войско охватил острейший кризис, повлекший за собой отставку Войскового правительства, гибель двух войсковых атаманов, раскол. Тем не менее терцы обрели важный исторический опыт отстаивания своей этнокультурной идентичности. Несмотря на трагедию братоубийственной Граж-

данской войны, депортацию сунженцев, национально-государственное строительство в регионе, обретенная идентичность еще в 1920–1930-е гг. позволяла казакам сохранять свою самобытность в массе русского населения региона. Как видно из материалов переписи 1926 г., терское казачество смогло восполнить демографические потери от войн и революций и в результате высокой рождаемости и возвращения эмигрантов достигло численности 276,3 тыс. чел. [Казачество 1926, 5–9].

В последующие десятилетия в результате разделения терского этнокультурного пространства на национальные автономии, противоречивой политики коллективизации, репрессий, кампании «за советское казачество», растворения казаков в общей массе советских граждан терцы постепенно утратили статус субэтноса, интегрируясь в этнографические группы русских Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии и Ставрополя.

Таким образом, вторая половина XIX — первая четверть XX в. стали временем оформления и развития идентичности терского казачества как русского субэтноса на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. Создание Терского казачьего войска, консолидационные этнические процессы, диффузия в традиционной культуре, формирование единого этнокультурного пространства в рамках войсковой территории, деятельность казачьей интеллигенции, отстаивание традиций самоуправления и духовной самобытности способствовали появлению развитого самосознания, выраженного в самоназвании «терцы», «терские казаки». Поскольку терское казачество являлось частью материнского русского этноса и в то же время обладало этнокультурными особенностями, развитой системой ценностей, богатым историческим прошлым, казачье самосознание носило двойственный характер, актуализируя в годы войн, революций, социальных экспериментов государственную общенародную или местную субэтническую составляющие.

## Источники и материалы

Бутова, Лысенко 1893 — *Бутова, Лысенко*. Станица Ищёрская (Пятигорского отдела Терской области) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1893. Вып. 16. Отд. I. С. 37–56.

Галюгаевская 2024 — *Шагрова А. А.* История развития станицы Галюгаевская: Исслед. раб. Руководитель: В. Р. Королева [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/prezentaciya-po-geografii-istoriya-razvitiya-stanici-galyugaevskaya-3715085.html> (дата обращения: 12.08.2024).

Государственная 2017 — *Трепачко В.* Станица Государственная — один из казачьих форпостов Азово-Моздокской оборонительной линии: Исслед. раб. Руководитель: И. В. Боритько. Советская, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://multiurok.ru/files/stanitsa-ghosudarstviennaia-odin-iz-kazach-ikh-for.html> (дата обращения: 20.08.2024).

Гребенцы 1895 — Гребенцы в песнях // Сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен Гребенских казаков с кратким очерком Гребенского войска и примечаниями / Собр. подхорунжий 1-го Кизляро-Гребенского полка Ф. С. Панкратов. Владикавказ: Типо-Литогр. В. П. Просвирина, 1895.

Казачество 1926 — Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д: Сев.-Кавказ. краев. стат. упр-ние. Отд. переписи, 1928.

Конституция 2017 — Конституция Терского войска, принятая 3 июля 1919 года Войсковым кругом Второго созыва как основной закон войска // Терский сборник. Вып. 2 / Отв. за вып. О. В. Губенко. М.: МИРАКЛБ, 2017. С. 404–414.

ПВПНРИ 1905 — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. LXVIII. Терская область. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печ., 1905.

Перерождение 1887 — Перерождение старых обычаев // Терские ведомости (ТВ). 1887. № 9. С. 3–4.

Писаренко 2016 — *Писаренко Д. С.* Терское казачество: три года революции и борьбы 1917–1920: Материалы и воспоминания / Вступ. ст. и коммент. Ф. С. Киреева. М.: Кучково поле: Военная книга, 2016.

Путилов 1948 — *Путилов Б. Н.* Исторические песни на Тереке. Грозный: Грозн. обл. изд., 1948.

Пятирублев 1893 — *Пятирублев В.* Песни, поющиеся в станице Наурской // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 15. Отд. I. С. 145–226.

Сборник 1876 — Сборник сунженских военных песен Терского казачьего войска. Собранные и положенные на ноты казаком Терского войска П. Гранадчиковым. СПб.: Рус. скоропечатня И. С. Нахимова, 1876.

Сборник 1909 — Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1908 год. Т. 44. СПб.: Тип. Глав. Упр. уделов, 1909.

Семенов 1893 — *Семенов П.* Песни, поющиеся в станице Слепцовой, Владикавказского округа // СМОМПК. Вып. 15. Отд. I. Тифлис, 1893. С. 37–140.

СМИСБТКВ 1881 — Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ: Тип. Тер. обл. правл., 1881.

Терец 1868 — *Терец*. Еще несколько слов об освящении Георгиевского штандарта, высочайше пожалованного Лейб-гвардии Терскому казачьему эскадрону, 8-го октября 1868 года // ТВ. 1868. № 46. 11 ноября.

ТКВР 2017 — Терские казаки в войнах России в конце XIX — начале XX века: Сб. документов и матер. / Сост. О. Л. Опрышко. Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017.

Терский 1868 — Терский казак. Терские гвардейские казаки на Кавказе и в Петербурге (окончание) // ТВ. 1868. № 40. 30 сентября.

Яковлева 1985 — *Яковлева Г. А.* Словарь русских терских говоров. Нальчик: КБГУ, 1985.

## Исследования

Бондарь 2019 — *Бондарь Н. И.* Древо жизни: Очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар: Традиция, 2019.

Великая 2001 — *Великая Н. Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-н/Д, 2001.

Великая 2014 — *Великая Н. Н., Белецкая Е. М.* Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир: РИО АГПА, 2014.

Головлев 2013 — *Головлев А. А.* Братья-казаки Вертеповы как краеведы и географы Терской области // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2013. Т. 22. № 2. С. 126–134.

Гостиева 2015 — *Гостиева Л. К.* Из истории этнографического осетиноведения: Захар Сосиев // Наука и образование в жизни современного общества: Сб. науч. тр. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. (30 апреля 2015 г.): В 14 т. Т. 9. Тамбов: Консалт. комп. Юком, 2015. С. 50–51.

Жадан 2001 — Жадан В. А. Музыкальная культура Кубани XIX — начала XX столетия: Исторический аспект: Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2001.

Караулов 1900 — Караулов М. А. Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска: (Доклад, прочитанный на 32 заседании Лингвистического отд. Неофилологического общества при Импер. С-Пб. Университете 23-го февраля 1900 г.). Варшава: Тип. Варшавского уч. окр., 1900.

Караулов 1902 — Караулов М. Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1902.

Караулов 2008 — Караулов М. А. Терское казачество. М.: Вече, 2008.

Киреев 2019 — Киреев Ф. С. Педагог, историк, общественный деятель — Георгий Алексеевич Ткачев // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. XI: Сб. ст. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2019. С. 214–222.

Колесников 2012 — Колесников В. А. Станицы Ставрополя: Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. — 1917 г.). М.: Изд. Надыршин А. Г., 2012.

Матвеев 2018 — Матвеев О. В., Зудин А. И., Воронин В. В. Русские Чечни (по материалам экспедиций 2018 года). Ростов-н/Д: Печатная Лавка, 2018.

Матвеев 2021 — Матвеев О. В. «...Я задался мыслью воскресить забываемую народную литературу первых колонизаторов Кавказа»: (Из кавказоведческого наследия казачьего офицера) // Кавказский сборник: Т. 13 (45) / Под ред. В. В. Дегоева. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 282–304.

Орешин 2015 — Орешин С. А. Становление и кризис казачьей государственности на Терке (1917 — начало 1918 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 84–88.

Писарев 1881 — Писарев С. И. Трехсотлетие Терского казачьего войска 1577–1877: ко дню юбилейного празднования 3-го октября 1881 г. / Сост. С. Писарев. Владикавказ: Тип. Тер. обл. правления, 1881.

Писарев 1910 — Писарев С. О старинных казачьих песнях // ТВ. 1910. № 223. 17 окт. С. 2.

Ткачев 1909 — Ткачев Г. Искажение истории (по поводу статей г. Гассиева) (окончание) // ТВ. 1909. № 112. 26 сент. С. 1–2.

Ткачев 1911 — Ткачев Г. А. Гребенские, терские и кизлярские казаки: Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах. Владикавказ: Электротеч. тип. Тер. обл. правления, 1911.

Ткачев 1912а — Ткачев Г. Ст. Александрийская (Копай) // Сборник Общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 5. С. 23–38.

Ткачев 1912б — Ткачев Г. А. Станица Червленная: Исторический очерк // Сборник Общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 7–12. Вып. 1.

Тхамокова 2017 — Тхамокова И. Х. Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI — начало XX в.). Нальчик: Ред.-изд. отд. ИГИ КБНЦ РАН, 2017.

Яковлева 2000 — Яковлева Г. А. Русские терские казачьи говоры. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000.

© О. В. Матвеев, 2025

---

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

**Матвеев О. В.** <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета: Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; тел.: +7 (861) 219-95-02; e-mail: vim12@rambler.ru

---

# Ethnocultural Processes Among the Terek Cossacks in the Second Half of the Nineteenth — Early Twentieth Centuries

Oleg V. Matveyev

(Kuban State University: 149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation)

**Summary.** This article is devoted to the peculiarities of the ethnocultural development of the Terek Cossacks in the second half of the nineteenth – first quarter of the twentieth centuries. The author concludes that it was at this time that the formation and development of Terek Cossack identity as a Russian subethnic group in the Central and North-Eastern Caucasus took place. The creation of the Terek Cossack army; the consolidation of Terek Cossack ethnic processes; their diffusion in Russian traditional culture; the formation of a single ethnocultural space within the military territory; and the efforts of the Cossack intelligentsia to uphold the traditions of self-government and spiritual identity; all contributed to the emergence of a developed self-awareness, expressed in the self-naming of the group as “Tertsy” and “Terek Cossacks.” Since the Terek Cossacks were both part of the Russian ethnos and at the same time possessed unique ethnocultural characteristics — a developed system of values, and a rich historical past - their self-awareness was of a dual nature. Its political, national and local subethnic components changed and developed during the subsequent years of wars, revolutions, and social experiments.

**Key words:** ethnocultural processes, Terek Cossacks, subethnic group, Tertsy, self-awareness, identity, Cossack intelligentsia.

**Received:** November 10, 2024.

**Date of publications:** December 25, 2025.

**For citation:** Matveyev O. V. Ethnocultural Processes Among the Terek Cossacks in the Second Half of the Nineteenth — Early Twentieth Centuries. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 4. Pp. 11–23. In Russian.

**DOI:** <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.4.001>

## References

**Bondar’ N. I.** (2019) Drevo zhizni: ocherki traditsionnoi narodnoi kul’tury. Ehtnografiya, antropologiya, semiotika. [The Tree of Life: Essays on Traditional Folk Culture. Ethnography, Anthropology, Semiotics]. Krasnodar: Traditsiya. In Russian.

**Golovlev A. A.** (2013) Brat’ya-kazaki Vertepov kak kraevedy i geografy Terskoi oblasti [The Cossack Brothers Vertepov as Local Historians and Geographers of the Terek Region]. *Samarskaya Luka: problemy regional’noi i global’noi ekologii* [Samara Luka: Problems of Regional and Global Ecology]. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 126–134. In Russian.

**Gostieva L. K.** (2015) Iz istorii etnograficheskogo osetinovedeniya: Zakhar Sosiev [From the History of Ossetian Ethnographic Studies: Zakhar Sosiev]. In: *Nauka i obrazovanie v zhizni sovremennoogo obshchestva: sb. nauch. trudov po mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 30 aprelia 2015 g. v 14 t., t. 9.* [Science and Education in the Life of Modern Society: Coll. of Scholarly Works Based on Materials of the Int. Scientific-Practical

Conf. April 30, 2015]. In 14 vols. Vol. 9. Tambov: Konsalt. komp. Yukom. Pp. 50–51. In Russian.

**Karaulov M.** (1902) Materialy dlya etnografi Terskoi oblasti. Govor grebenskikh Kazakov [Materials for the Ethnography of the Terek Region. The Dialect of the Greben Cossacks]. Saint Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk. In Russian.

**Karaulov M. A.** (1900) Govor stanits byvshego Mozdokskogo polka Terskogo kazachego voiska. Doklad pročitannyi na 32 zasedanii Lingvisticheskogo otd. Neofilologicheskogo obshchestva pri Imp. S-Pb. Universitete 23-go fevralia 1900 g.) [The Dialect of the Villages of the Former Mozdok Regiment of the Terek Cossack Army (Report Read at the 32nd Meeting of the Linguistic Department of the Neophilological Society of Imperial St. Petersburg University on February 23, 1900)]. Warsaw: Tip. Varsh. uch. okr. In Russian.

**Karaulov M. A.** (2008) Terskoe kazachestvo [The Terek Cossacks]. Moscow: Veche. In Russian.

**Kireev F. S.** (2019) Pedagog, istorik, obshchestvennyi deyatel’ — Georgii Alekseevich Tkachev [Educator, Historian, Public Figure — Georgy

Alekseevich Tkachev]. In: Genealogiya narodov Kavkaza. Traditsii i sovremennost' [Genealogy of the Peoples of the Caucasus: Tradition and Modernity]. Iss. XI: Coll. of Articles. Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAN. Pp. 214–222. In Russian.

**Kolesnikov V. A.** (2012) Stanitsy Stavropol'ya. Istoriko-statisticheskii i toponimicheskii spravochnik (poslednyaya tret' XVIII v. — 1917 g.) [The Villages of Stavropol: Historical, Statistical and Toponymic Reference Book (Last Third of the Eighteenth Century to 1917)]. Moscow: Izd. Nadyrshin A. G. In Russian.

**Matveev O. V.** (2021) «...Ya zadalsya mysl'yu voskresit' zabyvaemuyu narodnyuyu literaturu pervykh kolonizatorov Kavkaza» (Iz kavkazovedcheskogo naslediya kazachego ofitsera) ["...I Set Out to Resurrect the Forgotten Folk Literature of the First Colonizers of the Caucasus" (From the Caucasian Heritage of a Cossack Officer)]. In: Kavkazskii sbornik [Caucasian Collection]. Vol. 13 (45). Ed. V. V. Degoev. Moscow: Aspekt Press. Pp. 282–304. In Russian.

**Matveev O. V., Zudin A. I., Voronin V. V.** (2018). Russkie Chechni (po materialam ehkspektitsii 2018 goda [Russian Chechens (Based on Materials from Expeditions in 2018)]. Rostov-on-Don: Pechatnaya Lavka. In Russian.

**Oreshin S. A.** (2015) Stanovleniye i krizis kazachyey gosudarstvennosti na Tereke (1917 — nachalo 1918 g.) [The Formation and Crisis of Cossack Statehood on the Terek (1917 — Early 1918)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Thought]. 2015. Vol. 7. No. 1. Pp. 84–88. In Russian.

**Pisarev S.** (1910) O starinnykh kazach'ikh pesnyakh [About Ancient Cossack Songs]. *TV*. 1910. No. 223. October 17. P. 2. In Russian.

**Pisarev S. I.** (1881) Trekhsotletie Terskogo kazachego voiska 1577–1877: ko dnyu yubileinogo prazdnovaniya 3-go oktyabrya 1881 g. [Tercentenary of the Terek Cossack Army 1577–1877: On the Occasion of the Anniversary Celebration on

October 3, 1881]. Comp. S. Pisarev. Vladikavkaz: Tip. Terskago obl. pravleniya. In Russian.

**Thamokova I. Kh.** (2017) Terskoe kazachestvo v ehtnokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza (XVI — nachalo XX v.). [Terek Cossacks in the Ethnocultural Space of the North Caucasus (Sixteenth — Early Twentieth Centuries)]. *Nal'chik: Red.-izd. ot del IGI KBNTS RAN*. In Russian.

**Tkachev G.** (1912) St. Aleksandriiskaya (Kopai) [Alexandria Village (Kopai)]. In: *Sbornik Obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny* [Collection of the Society of Lovers of Cossack Antiquities]. Vladikavkaz. No. 5. Pp. 23–38. In Russian.

**Tkachev G. A.** (1912) Stanitsa Chervlenaya: istoricheskii ocherk [Chervlenaya Village: Historical Sketch]. *Sbornik Obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny* [Collection of the Society of Lovers of Cossack Antiquities]. Vladikavkaz, 1912. No. 7–12. Vol. 1. In Russian.

**Velikaya N. N.** (2001) Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv. [The Cossacks of Eastern Ciscaucasia in the Eighteenth — Nineteenth Centuries]. Rostov-on-Don. In Russian.

**Velikaya N. N., Beletskaya E. M.** (2014) Kazaki Severo-Vostochnogo Kavkaza i ikh sosedi v dorevolutsionnom proshlom (po istoricheskim, fol'klornym i literaturnym istochnikam) [Cossacks of the North-Eastern Caucasus and Their Neighbors in the Pre-Revolutionary Past (According to Historical, Folklore and Literary Sources)]. Armavir: RIO AGPA. In Russian.

**Yakovleva G. A.** (2000) Russkie terskie kazach'i govory [Russian Terek Cossack Dialects]. *Nal'chik: Poligrafservis i T.* In Russian.

**Zhadan V. A.** (2001) Muzykal'naya kul'tura Kubani XIX — nachala XX stoletiya: istoricheskii aspekt [Musical Culture of Kuban of the Nineteenth — Early Twentieth Centuries: The Historical Aspect]. PhD dis. of Hist. Sciences. Krasnodar. In Russian.

© O. V. Matveyev, 2025

## ABOUT THE AUTHOR

**Oleg V. Matveyev** <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

E-mail: vim12@rambler.ru

Tel.: +7 (861) 219-95-02

149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation

DSc in History, Professor, Department of Russian History, Kuban State University



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)